

СМЕРШ

спецназ Сталина

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА РЕЙХА

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Последняя тайна рейха

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Последняя тайна рейха / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2019 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-102506-9

Апрель 1945 года. Померания. Советские войска добивают врага в его логове. Руководство рейха лихорадочно пытается уйти от возмездия. Среди тех, кто готовится к побегу за границу, барон фон Гертенберг, вице-президент общества Аненербе. Эта личность давно интересует советскую контрразведку. Захватить барона поручено капитану СМЕРШ Олегу Потанину. Под видом бежавшего из плена немецкого офицера он пробирается в замок Гертенберга. Но охрана барона вычисляет Потанина. Расправа неминуема. Капитан уже готовится к самому худшему, как вдруг ситуация резко меняется...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102506-9

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Последняя тайна рейха

Глава 1

Маленький городок Швайцбург в Передней Померании застыл в тревожном ожидании. До войны тут проживало чуть более тысячи человек, а сейчас не осталось и половины. Люди бежали от наступающей Красной армии. Министерство пропаганды пока работало. Немцы считали пришельцев с востока неотесанными и безжалостными дикарями, абсолютно неприученными к цивилизации.

В городке оставались только те, кому некуда было податься. Аккуратные разноцветные домики в стиле фахверк как-то съжились, вымерли улицы, мощенные брусчаткой, помалкивали люди и собаки.

Даже часы на городской ратуше сломались именно в тот день, когда два батальона 24-го стрелкового полка вошли в городок и заняли ключевые позиции. Следом за ними там появились саперная рота и взвод войск НКВД. Эти подразделения тут же занялись своими делами. Первое – разминированием различных объектов, второе – поиском диверсантов и прочей сомнительной публики.

Возвращаться в Швайцбург герои вермахта не собирались, откатились без боя, оставив городок в целости и сохранности. Линия фронта застыла на западе, километрах в восьми. Приключилась досадная заминка. Отстали тылы, вовремя не подвезли боеприпасы, и вот такая конфузия.

26 апреля советские войска взяли Штеттин, покатались дальше, вошли в Переднюю Померию, приготовились к броску в Мекленбург, однако получили соответствующий приказ и встали. Три дня в этих местах царила непривычная тишина. На юге пылал Берлин, на улицах шли бои, не за горами центр города и рейхсканцелярия. Красноармейцы добивали фашистов в их логове, а здесь, на севере, все выглядело так, словно не было никакой войны. Солдаты вели себя прилично, мирное население не третируют.

Не сказать, что бургомистр встречал освободителей хлебом-солью, но очень волновался, растекался по древу, выпячивал свое якобы польское происхождение. Дескать, никакой я не немец. Командир полка подполковник Уфимцев раздраженно отмахивался. Ладно, не лезь. Кончилось ваше время. Однако будь любезен находиться поблизости, братец-славянин.

Конец апреля выдался погожим. Робко проклевывались листочки на деревьях, расцветали цветы на карнизах и подоконниках. Иногда по древней брусчатке прогуливались патрули. Штаб полка располагался на главной улице, в здании ратуши, увенчанном остроконечным шпилем. Парадный вход был закрыт, существовал лишь для красоты. В здание люди попадали, минуя узкий проезд и широкое пространство двора, вымощенное неотесанным булыжником. Здесь находились гараж, подсобные строения.

Несмотря на раннее утро, в бывшей конторе городского управления былолюдно. Гражданских чиновников сменили люди в погонах. Службы полка оккупировали первые этажи. Связисты протянули провода. Сновали часовые с автоматами.

Из открытых ворот гаража торчал проржавевший передок полуторки. Там возились механики. Один периодически запускал мотор, другой рылся под капотом, отпуская матерные замечания по поводу качества сборки легендарного отечественного грузовика.

На крыльце курили офицеры штаба, посмеивались, обсуждали вчерашних гостей, представителей союзных войск, нагрянувших в полк. Что они забыли в этой глуши? Два амери-

канца, столько же британцев, все с майорскими погонами. Такое впечатление, что на экскурсию прибыли. При них фотограф, тип весьма нервный, весь какой-то дерганный.

Сам комдив встречал их на фронтовом аэродроме, поил, кормил, впаривал небылицы, потом возил по населенным пунктам, освобожденным от фашистов, показывал, как нужно воевать. Иностранцы удивлялись. Мол, надо же, Красная армия идет вперед почти без разрушений, а в том же Мюнхене после наших налетов камня на камне не осталось.

С улицы въехал выдавший виды «ГАЗ-64» с единственным пассажиром, он же водитель. Машина встала у крыльца, по соседству с трофейным «Хорхом», у которого почему-то отсутствовали передние колеса. Их временно заменяли стопки кирпичей. Машина досталась победителям в наследство от побитой германской армии. Когда это чудо техники обследовали саперы, колес там уже не было.

Из «газика» выбрался подтянутый элегантный капитан, посмотрел по сторонам, почесал пятерней, как гребнем, ершистые светлые волосы, натянул фуражку. Оправил гимнастерку, смявшуюся под ремнем, забрал с сиденья картонную папку с бумагами. Поморщился, когда из гаража донеслась витиеватая ругань. Этому словесному пассажиру предшествовал хрип взбывшего мотора.

– Эй, Коваленко, а ну, не ругаться! – крикнул офицер.

Матерный монолог прервался. Нарисовалась чумакая физиономия механика с гаечным ключом в мозолистом кулаке.

– А как не ругаться, товарищ капитан? – обиженно прогудел боец в засаленном комбинезоне. – Мы ее и так, и этак, и по-всякому!..

– А ты ключ выброси, – посоветовал светловолосый капитан. – Не русские люди, что ли? Кувалдой работайте.

Механик озадаченно почесал ключом голову, задумался.

Офицеры на крыльце закончили перекур, по одному втянулись в здание.

Капитан опять осмотрелся, помахивая папочкой, направился к крыльцу, вытер подошвы о стальную решетку под лестницей. Потом вошел в здание, посторонился и козырнул. Навстречу ему спешил майор с перекрещенными пушками в петлицах.

Коридор был оформлен помпезно, в стиле мрачноватой готики. Капитан открыл ключом вторую по ходу дверь, вошел в маленький кабинет с непропорционально высоким потолком, бросил фуражку на вешалку.

Помещение было так себе. До пришествия Красной армии здесь трудился помощник бургомистра по вопросам водоснабжения и канализации. Потом этого человека никто не видел, он просто сгинул. Все бумаги, папки, подшитые талмуды оставались в целости, их собрали в кучу и задвинули в угол. Обустраиваться смысла не было. Полк со дня на день мог двинуться в поход.

Капитан глянул на наручные часы, сел за стол, устремил задумчивый взор на причудливые настенные панели. Потом он раскрыл свою папку и стал изучать неровную машинопись.

В дверь постучали, всунулась постная физиономия офицера с погонами старшего лейтенанта.

– Доброе утро, Олег Петрович! Разрешите?

– Да, безусловно. – Капитан моргнул. – Как вас?.. Станислав Юрьевич, если не ошибаюсь?

– Почти запомнили, – сказал старший лейтенант, вторгаясь в лоно водоснабжения и канализации. – Вячеслав Егорович, старший лейтенант Евсеев, временно исполняю обязанности начальника вещевой службы полка.

– Ладно, запомню. – Капитан улыбнулся. – Что у вас, Вячеслав Егорович?

– Бумагу подпишите. – Евсеев раскрыл потертую папку, выудил мятый лист. – На склад поступило новое обмундирование, а снабженец из дивизии отказывается разгружать, пока не получит вашу визу.

– Какая проза! – Капитан манерно вздохнул, извлек из нагрудного кармана шариковую ручку британского производства, пока еще диковинную в Советском Союзе, снял колпачок, дыхнул по привычке на стержень. – Давайте свою бумагу, подпишем, чего уж там, дабы не жаловались на нашу бюрократию.

Без стука отворилась дверь, и порог переступил полноватый майор в полевой форме. За его спиной мерцали еще двое в офицерских фуражках. Он смотрел недобро, поджав губы.

– Разрешите? – Тонкие губы майора перекосила усмешка.

– Подождите, – отмахнулся капитан, не успевший поставить подпись. – Я не могу удовлетворить сразу всех.

Потом он удосужился поднять глаза, и в них мелькнуло беспокойство. Майор вошел, и капитану пришлось встать. Все-таки старший по званию. Старший лейтенант, поколебавшись, тоже поднялся.

– В чем дело, товарищи офицеры? – Голос капитана как-то предательски дрогнул.

Все трое подходили к его столу.

– Доброе утро! Майор Гамарин, третий отдел ГУКР СМЕРШ по девятнадцатой армии. Вы капитан Потанин Олег Петрович, заместитель начальника штаба двадцать четвертого стрелкового полка по строевой части?

– Да, это я. А в чем, собственно, дело? – Капитан справился с собой, его голос сделался ровным, хотя кожа на лице натянулась и побелела.

Испуганно хлопал глазами старший лейтенант Евсеев, смотрел то на майора, то на капитана.

– Вы арестованы по обвинению в пособничестве фашистам и сотрудничестве с германской разведкой. Сдайте оружие и следуйте за нами!

– Что за чушь! – Сохранять хладнокровие было непросто, но Потанин и не старался. – Это ложь, огромная ошибка. Меня назначили на эту должность только два дня назад...

Майор не удержался, сухо улыбнулся, и капитан осекся.

– Так что вы предлагаете, Олег Петрович? Дать вам еще недельку, чтобы вы развернулись от всей души? Нет, мы собираемся пресечь вашу деятельность уже сегодня. Уж извините.

Потанин не успел опомниться. Ему заломили локти, извлекли из кобуры табельный наган. Умелые руки мастерски оцупали карманы кителя, форменные брюки, рукава. Три суровые физиономии висели над душой.

– Следуйте за нами, – сказал Гамарин. – Надеюсь, у вас хватит благоразумия не сопротивляться и не качать права. Этим вы только отяготите свою участь, Олег Петрович.

– Послушайте, это страшная ошибка. Вы совершаете непоправимое!.. – Слова не лезли из горла.

Офицеры подтолкнули к выходу из помещения.

– А как же подпись? – растерянно пробормотал старший лейтенант Евсеев. – Они же не разгрузят, если ее не будет.

– А вы кто такой? – Майор резко повернулся к нему.

– Старший лейтенант Евсеев, временно исполняю обязанности начальника вещевой службы. Тут подпись нужна.

Майор придирчиво уставился в глаза Евсееву, отчего тот окончательно скис, косо глянул на мятую, никому не нужную бумагу. В глазах сотрудника контрразведки СМЕРШ заблестел смешливый огонек.

– Хорошо, распишитесь, Олег Петрович, раз такое дело, – заявил он. – А то ведь действительно с этой вашей волокитой...

Потанин подрагивающей рукой поставил закорючку, облизнул губы. Его подтолкнули в спину. Он споткнулся на пороге. Капитан с вещмешком на плече, идущий навстречу, сделал круглые глаза, прижался к стене, пропуская процессию.

На крыльце курили сержанты из роты связи. Они вытянули физиономии, зачем-то спрятали папиросы за спины, машинально отдали честь арестованному капитану, потом сопровождающим. Потанина столкнули с крыльца – сержанты расслабились, стали перешептываться. На пяточке перед боковым проходом в здание былолюдно. Немая сцена, почти по Гоголю. Механик выбрался из проблемной полуторки, растерянно захлопал глазами.

– Прямо, Потанин, – процедил Гамарин.

Выводить арестованного на главную улицу никто не собирался.

Справа от гаража, между близко посаженными пряничными домиками, имелась арочная подворотня, проход к бывшему полицейскому участку, где были оборудованы подвалы, вполне подходящие для содержания в них всяческих шпионов и их пособников.

У задержанного сдали нервы.

Он дернулся, вырвал локоть и выкрикнул звенящим голосом:

– Вы не имеете права! Это самоуправство, вы дорого заплатите! Я требую встречи с начальником штаба!..

Майор Гамарин тоже не сдержался, ударил арестанта в лицо. Капитан отшатнулся и уже готов был упасть, но его подхватили. Из рассеченной кожи под глазом брызнула кровь, половина лица мгновенно стала пунцовой.

Угрюмо помалкивали люди во дворе. Жизненный опыт подсказывал бывалым военным, что органы НКВД и контрразведки не всегда руководствуются суровой объективностью.

Потанин подавился, зашелся кашлем. Его схватили под локти, потащили в подворотню.

Приземистое здание полицейского участка, приспособленное советскими властями по прямому назначению, охраняли солдаты в форме войск НКВД по охране тыла. Один из них, увидев приближающихся людей, скатился по лестнице к подвальной двери, заколотил в стальные скобы. Заскрежетало железо.

Задержанного втащили внутрь, тычком отправили по полутемному коридору. Нужная камера располагалась в конце короткого прохода. Сержант манипулировал ключами, подбирая нужный. Заскрежетала стальная дверь, снабженная узким оконцем.

Камера была не такой уж крохотной, метров пятнадцать «полезной» площади. Отхожее место за простенком, зарешеченное оконце-амбразура под потолком. Сырые бетонные стены, примитивные нары слева и справа.

Арестованного капитана без комментариев втокнули внутрь, захлопнули дверь. Заерзал ключ в ржавом замке.

В узилище пахло чем-то сладковатым и гниlostным. Возможно, здесь помер какой-то бедолага и хорошо полежал, прежде чем был перемещен в другое место.

На лежанке слева ворочался мужчина, приподнимался.

Капитан Потанин доковылял до свободных нар, уселся, сжал виски руками. Стояла унылая тишина. Текли минуты.

В коридоре скрипели сапоги, там прохаживался часовой. Лязгнул крючок, запирающий окошко, в нем блеснул любопытный глаз. Потом окошко захлопнулось, часовой отправился дальше. Исправлять допущенную ошибку сотрудники компетентных органов, похоже, не спешили.

Потанин отнял дрожащие руки от раскалывающейся головы, обвел тоскливыми глазами серые стены, запертую дверь, уставился на оконце, приделанное почти к потолку. В поле его зрения попали сапоги наружного часового. Тот неспешно прошел мимо.

Стекло в этой амбразуре когда-то имелось, но теперь там не было даже огрызков. Оставалось радоваться, что на дворе почти май, а весна в этот год в Европе стояла сравнительно теплая.

Он встретился с тяжелым взглядом и выдержал его. На соседних нарах сидел крепкий мужчина лет тридцати пяти с опухшим лицом. Области густой щетиной он еще не успел. Глаза

ввалились в черепную коробку, но смотрели пристально, не моргали. Русые волосы смялись, в них запеклась грязь и, похоже, кровь.

Он был в мятой капитанской форме, без ремня и фуражки, стоптанные сапоги. Награды за службу с него срывали с мясом, в гимнастерке остались дырки. Сиделец усмехнулся, не спуская глаз с новоприбывшего.

– Подсадной, дружище? – прохрипел он. – Смершевец или кто ты там, признайся? НКВД, ГБ – как там ваша контора называется? Тебя специально ко мне подкинули. Весь такой растерянный, обескураженный, не понимаешь, что произошло. Да ладно, мне без разницы, кто ты такой. – Сосед глухо кашлянул, поморщился. – Нет у меня для вас никаких секретов, не того вы, крысы тыловые, взяли.

– Ты что несешь? – проворчал Потанин. – Кто тут подсадной? Дурак, что ли? Может, ты сам подсадной?

– А мне-то на хрена? – Сосед язвительно усмехнулся. – Я никогда не якшался с вашими доблестными органами.

– Можно подумать, я якшался, – заявил Потанин, обреченно вздохнул, обнял себя за плечи, тоскливо уставился под ноги.

Неловкое молчание затягивалось. Сосед уже не смотрел с язвительной гримасой. Он тяжело вздохнул, стал ерошить слипшиеся волосы.

– Ты кто такой? – спросил Потанин. – Физиономия у тебя относительно знакомая. Видел я тебя раз или два, точно не помню.

– Да и твоя морда лица тут мелькала, – заявил сосед. – Тоже не помню, где я имел честь лицезреть тебя. Из штабных, что ли?

– Вроде того, – согласился Потанин. – Три дня только в части, переведен сюда. И вот уже такая беда, мать ее! Потанин Олег Петрович, начальник строевой части, заместитель начальника штаба подполковника Кузовского.

– Теперь понятно, – сказал сосед. – Ты у товарища Кузовского, я у товарища Уфимцева. Чепурнов Глеб Викторович, заместитель командира полка по тылу, – представился сиделец. – Тоже три дня успел прослужить в должности. Ведь нормально же, сука, все было. Не понимаю, что за дела. Предъявили измену Родине, сотрудничество с иностранными разведками, еще какую-то липу и сюда вот законопатили. А я, между прочим, на Курском выступе батальон в атаку поднимал, когда всех офицеров выбило. У меня две медали «За отвагу», «За боевые заслуги» одна. А тут какая-то гадина донос накатала, и словно не было ничего. Предателем сделали! Как же это просто у нас! А тебя за что? – Он снова устремил на собеседника въедливый взгляд.

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал Потанин и поморщился. – Как ледяной водой облили. Майор Гамарин меня брал. Я даже не знаю такого. Пособничество врагу, сотрудничество с немецкой разведкой. Точно не помню.

– Хорошо тебя приложили, – с усмешкой проговорил Чепурнов, – выглядишь дивно, как задница в кустах. И что думает по поводу твоего ареста подполковник Кузовский?

– Откуда я знаю, что он думает? – раздраженно воскликнул Потанин. – Не знает еще, но обязательно поставит этих кретинов на место, дай только срок. Тебя, кстати, тоже хорошо отделили, забавно смотришься. А твой командир, подполковник Уфимцев, что думает по поводу твоего закрытия? – задал он встречный вопрос.

– Не знаю. – Чепурнов скрипнул зубами. – Мне не докладывали, что он думает. В гости не навещался. Вчера вечером на допрос таскали. Некий капитан Илюшин из третьего отдела контрразведки имел со мной пристрастную беседу. Толком ничего не предъявил, требовал признаний в подрывной и шпионской деятельности. Отметили меня за милую душу, суки! Ты подожди, Олег Петрович, тебя тоже скоро на допрос потащат, там добавят, для симметрии, так сказать.

Потанин передернул плечами и замер, впал в тоскливый транс. Чепурнов что-то произнес, он не отреагировал. Тот перестал терзать новичка, снова закричал, распластался на нарах свои избитые мощи.

В коридоре послышался шум. Потанин вышел из оцепенения, вытянул шею. Бледность затопила свежесбритое лицо. Где-то открылась дверь, прозвучал злобный окрик, звуки ударов. Потом опять стало тихо.

Потанин сглотнул, расслабился. На соседа он больше не смотрел, пребывал в плену собственных переживаний. А тот украдкой за ним подглядывал из-под прищуренных век. Потанин машинально потянулся к нагрудному карману, где раньше лежал портсигар, вспомнил, что его изъяли, поднялся на нетвердые ноги, встал под окном, задрал голову, жадно ловил звуки, доносящиеся с улицы. Кожа на его лице натянулась, скулы заострились.

– Ага, ты еще слезу смахни, – буркнул Чепурнов. – Что, хорошо там, на воле?

– Да пошел ты! – огрызнулся Потанин, добрался до лежанки, сел. – Не предатель я, понимаешь? – Он вскинул голову. – Я с сорок первого года в действующей армии, на Степном фронте воевал, на Первом Белорусском. У меня, между прочим, тоже медаль «За отвагу» имеется, а ее, сам знаешь, просто так не дают. Ранение получил под Варшавой, два месяца в госпитале провалялся, после чего и был отправлен на штабную работу.

– Здесь все невиновные, – сказал Чепурнов и пожал плечами. – Сюда других не садят.

– Это ты издеваешься сейчас, да? – спросил Потанин и как-то подобрался. – Совершенно напрасно, Глеб Викторович, или как там тебя. Хочешь знать, что я думаю по существу этой нелепой ситуации? Изволь. Тебя не просто так замели, а по делу. Полагаю, ты не тот, за кого себя выдаешь. Ты вражина, предатель Родины, и с тобой наши органы разберутся с особой тщательностью, выведут на чистую воду. Ведь у нас кого попало за решетку не бросают. Чего ты ржешь?

Его соседа действительно пробрало на смех, но состояние организма оказалось не совсем подходящим для этого. Арестанта одолел надрывный кашель.

– Меня задержали по ошибке, – уже не так уверенно продолжал Потанин. – Такое случается. Ложный донос, недоразумение, разберутся, отпустят. Даже извинятся за причиненные неудобства. Да, согласен, то, что случилось, выбило меня из колеи. Я ведь в таком положении никогда не был, отсюда и растерянность.

– В положении, говоришь? – заявил Чепурнов. – Ладно, раз такая откровенность пошла, я тебе тоже скажу все, что думаю. Я даже знаю, кто на меня донес. Это сделал паршивый хмырь из продовольственной части. На складе у него бардак, о доброкачественном питании даже речь не идет. Ты сам знаешь, чем нас кормят. Я пригрозил ему оформлением акта проверки, он сразу и занервничал. Павлушкин его фамилия. Увертливый, скользкий тип. Подполковнику Уфимцеву я доложил обо всем лично, в устной форме. Так что он знает, откуда ноги растут, и в ближайшем будущем примет меры. Я очень на это надеюсь. Со мной все ясно, а вот ты действительно субъект смутный. Шарики под черепушкой ведь так и мечутся, согласишься? Непростой ты парень. Сейчас наверняка прикидываешь варианты поведения на допросе. Зря не посадят, это ты верно заметил. Но исключения из правил все же случаются, и заметь, в нашем случае они относятся не к тебе. Мне противно сидеть в одной клетке с изменником. Хочешь что-то сказать? Так говори. Какие у вас аргументы, товарищ бывший капитан?

Оба сопели, хищно разглядывали друг друга. Каждому было что сказать, у обоих чесались кулаки, и в горле теснились матерные слова. Словно две невидимые силы столкнулись и застыли. Есть ли смысл растрчивать себя и обвинять кого-то другого? Напряжение витало в воздухе, потом стало спадать, рассасываться.

Чепурнов махнул рукой и отвернулся к стене. Потанин угрюмо смотрел на его мерно вздымающуюся спину, потом вздохнул, тоже лег и уставился в потолок, с которого осыпалась вся известка.

Электричество тут, возможно, имелось, но в дневное время его зазря не тратили. Света из окна вполне хватало на то, чтобы видеть смутный лик визави и не разбить лоб о стену.

Дальнейшая беседа не клеилась, охотника продолжить дискуссию не находилось. Арестанты сопели, кашляли, искали приемлемые позы.

Загремели засовы, распахнулась дверь.

– Встать! – прорычал сержант.

Обоих как ветром сдуло с нар. Они вскочили и мрачно уставились на парня, посмеявшегося командовать двумя офицерами.

К счастью, пока ничего ужасного не случилось. Им всего лишь доставили хлеб насущный. Рядовой с карабином за спиной поставил на пол поднос с алюминиевыми мисками и кружками, разогнул спину и одарил сидельцев презрительным взглядом.

– Жрите пока, суки! – буркнул от порога прыщавый переросток-сержант.

– Что происходит? – резко выплюнул Потанин. – Почему я здесь? Вы сообщили подполковнику Кустовскому, что его заместителя подвергли необоснованному аресту? Что за волокита, мать вашу? Я требую немедленной встречи с начальником штаба! Вы ответите за эту грубость, когда я отсюда выйду! Где субординация?

Надзиратели переглянулись, хорошо, что хоть руки не распускали.

– Субординация там осталась, гражданин, – глумливо усмехнувшись, сообщил сержант, кивая на окно. – А здесь вам хрен с маслом. Вы арестованы за измену Родине. Появится следователь, с ним и разбирайтесь. А будете буянить и качать права, я сообщу куда следует. Все понятно? Приятного аппетита, как говорится.

Вся компания, гремя амуницией, удалилась. Потанин сплюнул. Товарищ по несчастью невесело хмыкнул, почесал немытую голову и потянулся к подносу.

Ели арестанты покорно, не выделывались. Голод не тетка. Друг на друга они старались не смотреть, молотили мягкими ложками из алюминия жидкую ячменную кашу с еле заметными признаками мясного духа. Хрустели черствым хлебом, запивали клейкую субстанцию подкрашенной водичкой из кружек.

– Еда не очень, – резюмировал Потанин, вытирая губы.

– Я же говорю, – буркнул Чепурнов, отталкивая ногой поднос с посудой. – Есть можно, но это не то, что положено красноармейцу перед боем. Заворовались, сволочи, и даже война их не лечит. Эх, сейчас бы покурить. – Он с заунывной тоской уставился на дверь.

– Думаешь, придут, угостят, еще и прикурить дадут? – осведомился Потанин.

Чепурнов досадливо мотнул головой и сказал:

– Прикурить-то точно дадут. Ладно, будем считать, что поели. Эх, жизнь собачья.

– Никак не могу смириться, – проворчал Потанин. – Наши уже Берлин окружили, половину Германии взяли, скоро Гитлеру в его канцелярии капут будут делать. Наш полк через день-другой в наступление пойдет, Переднюю Померанию освободить будет, с западными союзниками соединится. А я тут сижу как какая-то последняя сволочь, казенную жрачку ем и не знаю, что будет дальше.

– Так ты и есть последняя сволочь, Олег Петрович, – заявил Чепурнов. – Прижучили тебя и правильно сделали.

– Да заткнись ты, идиот! Это ты сволочь, а я – порядочный советский человек, загремевший по недоразумению. Ничего, скоро все выяснят, раздадут всем сестрам по серьгам.

– Ну-ну, блажен, кто верует, – заявил Чепурнов и скривился. – Сказать тебе, кореш ситный, что нам светит? Я-то советский человек, мне не надо об этом рассказывать. Кто ты – хрен тебя разберет, может, и враг. Но это по большому счету и не важно. Ты же не дурак, верно? Часто слышал, чтобы людей, взятых по недоразумению, отпускали, да еще и с извинениями? Это сказка, приятель. Не важно, кто ты такой. Навесят грехов, и все признаешь, подпишешь, как миленький. Время военное. Пробубнят тебе приговор, выведут во двор, да и шлепнут под

работающий движок полуторки, чтобы мирных бюргеров не смущать. Да еще и меня с тобой за компанию, что уж совсем обидно. – Он снова отвернулся к стене, стал царапать ногтями остатки штукатурки.

– Слушай, начальник тыла, прекращай, – не выдержал через пять минут Потанин. – Ты еще зубами по стеклу поцарапай.

Чепурнов хохотнул. Действительно, где тут стекло найдешь? Но царапаться он перестал, и наступила оглушительная тишина.

Глава 2

Весь остаток дня фашистских прихвостней никто не беспокоил, что было странно и как-то даже необъяснимо. Оба ворочались, иногда садились, чесались, с нелюбовью поглядывали друг на друга. Замирали, когда снаружи что-то происходило, но все не по их душе. Оснований для паники пока не было.

Допрашивать их никто не спешил. Разве что ночью придут.

Но этого не случилось. Хихикали и шушукались часовые, иногда шоркали подошвы. Дважды отворялось оконце и с лязгом закрывалось. Приходила тишина, чреватая, удушливая. Мужчины ерзали на провонявших матрасах, не могли найти себе покоя, поднимались, мерили шагами камеру, по очереди кряхтели в отхожем месте.

Стемнело, свет охрана не включала. Арестантам поневоле пришлось прекратить хождения по камере, чтобы не разбить себе нос.

Один из них очнулся посреди ночи. Такое бывает, хотя и достаточно редко. Ты просыпаясь от собственного храпа, улавливаешь последнюю его нотку, как будто ржавая пила вгрызается в твердую деревяшку, и что-то толкает в мозг. Он на всякий случай застонал, перевернулся на бок, начал прерывисто сопеть и подумал, что проспал примерно три часа. Часы у него отняли, но внутренний хронометр, отлаженный и проверенный, работал исправно. Сейчас примерно два часа ночи.

Он открыл глаза и затаил дыхание. Сосед мерно сопел, хотя мог себе позволить и всхрапнуть. Спал ли он? Возможно, нет. Сегодня у обоих головы распухали от дум. А то, что они говорили друг другу, было просто ширмой.

В камере царил темень. В крохотном оконце под потолком виднелся фрагмент ночного неба, усыпанного звездами. Осветительный прибор из него был так себе, а луна в этот час ночи обреталась на другом краю неба. Сумрачно проступали перехлесты решетки.

Впрочем, глаза арестанта привыкали, во мраке проявлялась противоположная стена, под ней нары, на которых свернулся человек. Этот субъект был враг, совершенно конкретный и недвусмысленный. Опытный и опасный агент Абвера с позывным Паук, доставивший советскому командованию массу хлопот. Он погорел на ерунде, по собственному невниманию.

Взяли его не сразу, выждали сутки, окружив стеной внимания. При аресте не афишировали свои знания. Мол, с вами все кончено, гражданин Паук, все такое. Повязали без объяснения причин, с размытыми формулировками: «контрреволюционная деятельность», «пособничество», «работа на вражескую разведку». Пусть у человека останется надежда. Не надо сразу выкладывать все козыри.

Второй же человек, находившийся в камере, был сотрудником Главного управления контрразведки СМЕРШ, специально подселенным к агенту. Он лежал сейчас в кромешной тишине, всматривался в полумрак.

Пока этот офицер только прошупывал своего соседа, изображал из себя честного советского человека, но все же старался с помощью тонкой психологической игры убедить его в том, что он тоже работает на немцев. Оппонент очень не глуп. Тут важен любой нюанс, произвольная реакция, движение губ, глаз, да хоть ушей, черт возьми!

Оставалось три часа до предрассветной поры. Он обязан был встретить во всеоружии. Агент два дня назад контактировал с неким парнем, носившим форму майора английской армии. Комдив возил делегацию, включающую журналиста, учинял показуху, решал вопросы совместного планирования. Разумеется, с подачи высших лиц.

Этот франтоватый субъект представлял не столько английскую армию, сколько разведку. Сотрудники СМЕРШ, разумеется, знали об этом, оттого и не спускали с англичанина глаз.

«Поклевка» была что надо. Агент искал встречи, пусть даже мимолетной. Или оба. Это не важно. Минутный контакт состоялся в коридоре офицерской столовой. У них все срослось бы, не будь органы начеку. Этот момент контрразведчики засекли!

Делегация союзников благополучно убыла в свои пенаты, а Паука взяли только через день. Сутки ушли на выяснение личности. Сотрудники органов просто ошалели от такой удачи. В гости к ним пожаловал сам Паук, теперь он уже не лютый неуловимый диверсант, знакомый с самим Отто Скорцени, а неприметный офицер в руководстве полка с, мягко говоря, не боевой должностью.

Зачем он тут? Война подходит к концу, с этим все понятно. Сейчас он должен быть не здесь, а бежать со своими хозяевами в Южную Америку, Африку, Австралию. Куда они там еще ноги уносят? Почему медлит? Давно мог бы убраться подальше с его-то навыками.

Что означала мимолетная встреча с англичанином? Ничего? Или имела важное значение? Брать, пытать? Допрашивать агентов такого уровня просто глупо, особенно если не знаешь, что происходит. У него наверняка найдется версия, подходящая для советских органов, которую нельзя будет проверить. Можно напортачить, а потом головы полетят. Но брать надо, иначе он уйдет.

Офицер СМЕРШ был неплохим психологом, именно поэтому руководство и решило использовать его втемную, не посвящая в некие нюансы. Но оно и не обязано было это делать, а он – человек военный, должен выполнять приказы.

Что ему было известно о текущей ситуации? Хозяин Паука – не англичанин. Прямой руководитель этого агента находился на немецкой стороне и, по данным разведки, еще не бежал. Он пребывал здесь, в Передней Померании, куда еще не пришла Красная армия, в собственном родовом замке Левенштайн, в плотном окружении эсэсовцев. Это некто Леонард фон Гертенберг, барон, бригаденфюрер СС, специалист по военной разведке, профессор, вице-президент общества Аненербе, ставящего мистицизм на службу рейху, знаток множества тайн.

Советская контрразведка, конечно же, проявляла очень пристальный интерес к этим секретам. Данный субъект был крайне важен для нее. Он курировал несколько разведывательных школ, расположенных на оккупированных территориях Польши и Украины, приближал к себе самых одаренных выпускников, одним из которых был Паук. Барон стимулировал их настолько грамотно, что у тех даже не возникала идея переметнуться на другую сторону.

Но тут было и что-то еще, возможно, связанное с научно-исследовательской деятельностью. Руководство не вводило офицера в курс дела, и приходилось додумывать самому. Почему фон Гертенберг еще здесь? Кого он ждет, если не своего протеже? Имеет ли к этому отношение мимолетная встреча с английским парнем в коридоре столовой?

Личность барона и его резиденция были окружены ореолом тайны. Неудивительно, что командование испытывало жгучий интерес к этой теме именно сейчас, пока не поздно. Докажется война до замка Левенштайн, и оперативников контрразведки встретят там голые стены.

Руководство замыслило инсценировку побега. План сырой, на проработку времени не было. Уйти должны были оба. Не останется же настоящий немецкий агент в тюрьме, когда его сосед сделает ноги! Вот тут сотрудник СМЕРШ и должен будет проявить все свои таланты, сделать так, чтобы они не расстались. Например, спасти ему жизнь, заставить этого ублюдка преисполниться благодарностью.

Куда пойдет Паук? Тут нет никаких сомнений – только к барону. Органам крайне важно было хоть на пару дней внедрить своего человека в окружение фон Гертенберга.

Вероятность успеха была ничтожной. Но наверху за эту идею ухватились хотя бы потому, что другой не было. О безопасности своих людей высокие чины не думали. У них имелась цель. Она оправдывала все средства, в том числе и человеческие жизни. Даже сотрудники самой эффективной спецслужбы новейшего времени были лишь винтиками в огромной машине.

Он закрыл глаза и усилием воли приказал себе проснуться через два часа, можно сказать, завел будильник.

Они проснулись почти одновременно, скинули ноги на пол, ошоловело усталились в пространство. Время раннее, около пяти. Бледный свет сочился в окошко, расползлся по камере. Лица людей прятались в тени. Самое сонное время суток.

«Скоро будет в самый раз», – подумал сотрудник контрразведки.

В тюрьме сейчас находилась лишь дежурная смены охраны. По плану, нарисованному на коленке, эта публика была посвящена в затею контрразведки. Ей полагалось подойти к делу ответственно.

Не секрет, что бойцы Красной армии иной раз прикладываются к бутылочке. Пьют за победу, за скорое возвращение домой. Начальство к этим слабостям относится по-разному. Пьянка на боевом посту, конечно, преступление, чреватое трибуналом. Но если нет начальства, никто не видит, а душа горит? Море по колено, никто не узнает.

В половине шестого утра в камеру должны будут войти двое пьяных надзирателей. Дескать, вы, суки, Родину продали! Ну так получайте, мерзавцы!

Он скрутит их обоих. Сопrotивляться они не будут, потерпят. Дальше дело техники. Забрать оружие, ремни, головные уборы, прокрасться по коридору, на выходе нокаутировать еще одного. А дальше дорога открыта. Коллеги ее обозначили. За угол, в обход ратуши, мимо скромной кирпичи, перебежать пустынную дорогу, углубиться во дворы. Оврагом на западную околицу, это рядом. А там лес, восемь верст до линии фронта.

При этом количество людей, посвященных в эту историю, минимально. Есть резонное опасение в том, что в штабе полка окопался не один крот.

– Не спится, приятель? – прохрипел Чепурнов, подтягивая штаны.

– Проснулся. Беда какая-то, – слабым голосом отозвался Потанин. – Ворочаюсь, никак не могу уснуть. Ты точно не подсадной, Глеб Викторович? – чуть подумав, задал он самый идиотский в мире вопрос.

Чепурнов невесело прыснул и проговорил:

– Ты же честный советский человек, Олег Петрович, не так ли? Именно в этом ты всячески старался меня убедить, разве нет? Зачем органам подсаживать к тебе своего оперативника? Понимаю, в мирное время они чепухой занимаются, хватают невиновных, фабрикут дела, соревнуются, кто больше посадит. Но ведь реальный враг еще не сдох, вокруг хватает настоящих лазутчиков и шпионов. Зачем, дружище? – В глазах Чепурнова поблескивали льдинки.

– Подловить хочешь? – буркнул Потанин и насупился. – Меня реально считают предателем, так что им мешает подселить сюда крысу?

– Заметь, я здесь уже сидел, когда тебя вселили, – тонко подметил Чепурнов.

– Лучше бы ты этого не говорил, – заявил Потанин. – Дело техники, элементарный расчет. Мутный ты товарищ, Глеб Викторович.

– Да и ты, Олег Петрович, похоже, профессор по наведению тени на плетень.

– Тогда возвращаюсь к вышесказанному. Да пошел ты!.. – выдал Потанин, лег на пахучий матрас и устался в потолок.

Чепурнов через минуту последовал его примеру. Последние слова соседа он оставил без комментария, сначала сопел, потом заворочался.

– Ты чего там возишься? – осведомился Потанин.

– Ищу, чем бы тебя удавить, Олег Петрович, – услышал он, не сдержал язвительный смешок и заявил:

– Ищи, Глеб Викторович, старайся. Долго тебе мучиться придется.

Секунды шелестели в мозгу. Приближалось время. Будильник, встроенный в голову офицера контрразведки СМЕРШ, чувствовал это так же четко, как застарелый перелом – ненастную погоду.

Вскоре арестанты услышали шум мотора. Вроде самолет пролетел где-то недалеко. Не штурмовик, не истребитель, судя по звуку – транспортник. Гул рассосался, только слабый звон отдавался в ушах.

Снова издевательски медленно тянулось время. Сон улетучился. Нервы натянулись. Пот скопился за ушами, дышать стало трудно. Что не так? О чем упорно пытается сообщить интуиция? Хоть вскакивай со шконки, хватай этого гада за грудки и колоти башкой о стенку, пока не выдаст свои тайны.

Где-то в коридоре хлопнула дверь, послышался пьяный смех. Ну, наконец-то, прибыли, артисты погорелого театра...

Что это? Оба вскочили.

Где-то у входа в подвал прогремел оглушительный взрыв. Там явно рванула граната неслабой мощности! Тут же началась пальба из автоматов, снова взрыв. Истошно кричали люди, хлопали рваные одиночные выстрелы.

Все это творилось не только в тюрьме. Пальба разгорелась по всем окрестностям, ее прекрасно было слышно в камере. В центральной части городка шел настоящий бой!

Какого черта?! Немцы перешли в контрнаступление? Но этого не может быть. Они слабы числом и духом, сил не соберут даже на локальный контрудар. В нем нет никакого смысла, когда Берлин под боком догорает.

Они стояли посреди камеры, тяжело дышали, глаза блестели в редющем полумраке. В коридоре раздался топот. Охранник, загнанный в ловушку, рвал заклинивший затвор, нервно матерился. Хлестнула очередь из немецкого МП-40, красноармеец глухо вскрикнул, повалилось на пол простреленное тело.

– Что за хреновина? – севшим голосом пробормотал Чепурнов. – Это немцы, что ли? Что им тут надо?

– По чью-то душу прибыли, – сказал Потанин. – Боюсь даже представить, за кем именно. Ну так что, Глеб Викторович, будем кулаками отбиваться, до последнего, мать его, вздоха?

Это была, по-видимому, шутка. Немцы шли сюда за ними, пока остальные отвлекали солдат в другом месте! Небольшая заминка, чтобы избавить мертвеца от связки ключей. Распахнулась дверь, впуская незваных гостей. Яркий свет фонаря ударил по глазам.

– На месте! Не шевелиться! – пролаял кто-то по-немецки.

Крепкие лбы, полевая форма парашютистов, разгрузочные жилеты, напичканные боевыми примочками – подобные штуки у советских десантников в те времена были еще не в ходу, – тяжелые бутсы, стальные шлемы, обтянутые маскировочными сетками. Похоже, эти люди сомневались. Им показывали фото человека, которого нужно вытащить, но в реальности он выглядел иначе. Избитый, заспанный, в нервном возбуждении.

– Мы свои! Хайль Гитлер! Вытащите нас отсюда! – взревели практически синхронно оба арестанта, что характерно, тоже по-немецки!

Вот и настал момент истины. Какие там к черту лысому добропорядочные советские граждане! Они шагнули вперед, задрали руки и остановились, глупо улыбаясь.

У диверсантов не было времени выяснять, кто тут кем является и почему их двое. Хрипло ругаясь, они схватили за шивороты обоих, выбросили в коридор. Шнель! На улицу!

Взрывы не повредили электрическую проводку, свет горел. Проход перегораживало мертвое тело, истекающее кровью. Перепуганные глаза, в которых отражался мутный плафон.

Потанин споткнулся, матерящийся Чепурнов схватил его за шиворот. Оба по очереди перепрыгнули через мертвеца, побежали к выходу под истошные крики в спину. Мол, быстро, шевелитесь! Нет времени!

Они догадывались, что спасение только в ногах. Хорошо, что хоть сапоги на них остались.

Им навстречу с улицы скатился еще один немецкий солдат нехилого сложения, щетинистый, возбужденный. Он вскинул автомат, и заключенные шарахнулись, размазались по стеночкам. Чепурнов, путая русские и немецкие слова, закричал:

– Мы свои, не стрелять!

Но тот уже понял, не стал убивать, мигом оценил ситуацию, сделал знак, чтобы пошевеливались, и припустил обратно, перепрыгивая через ступени. Диверсанты, не церемонясь, толкали арестантов в спины.

В нетронутых камерах кричали люди. Одни проклинали поганых фашистов, другие умоляли взять их с собой. Но акция была адресная, все остальные немцев нисколько не волновали. На лестнице отсутствовало освещение. Люди падали, кричали от боли в отбитых коленях. Ругались в затылок рассвирепевшие диверсанты, пинали по задницам. Арестанты семенили, защищаясь от ударов. Ладно, сегодня все понятно, простительно.

– А ты не такой уж простой крендель, верно, Олег Петрович? – просипел Чепурнов. – Вон как обрадовался-то! Отцы родные пришли, не забыли.

– Ох, кто бы говорил, Глеб Викторович, – ответил Потанин, задыхаясь. – Можно подумать, ты сам из простых кренделей. Я же не тупой, голова на месте.

Они вырвались из подвалов, споткнувшись по очереди о еще один труп часового, поротого пулями, стали метаться по двору, не зная, куда бежать. До рассвета еще оставалось какое-то время, но к ночной темени уже примешивалась серость. Арестантам казалось, что на городок напала небольшая армия! В стороне гремели взрывы, захлебывались автоматы и ручные пулеметы. Немцы застали гарнизон врасплох. В наличии имелись только офицеры штаба, взвод охраны да всякий вспомогательный люд. Боевые части были разбросаны вне пределов населенного пункта.

– Форвертс, форвертс! – орали диверсанты.

Кто-то яростно жестикулировал из подворотни, звал к себе. Люди неслись через двор, забыв про страх и болячки, ворвались в арочную подворотню, оттуда – в задний двор конторы бургомистра. Здесь все тряслось и грохотало! Валялись тела, многие полуодетые, кто-то в исподнем. Бежали, пригибаясь, перепрыгивая через мертвых. Свистели шальные пули. Ворота гаража распахнуты, там тоже что-то дребезжало и хрипело. Перебегали диверсанты где-то слева, швыряли гранаты, прикрывали огнем своих бегущих товарищей.

Слева к ратуше примыкала пристройка с черепичной крышей, используемая теперь под офицерское общежитие. Немцы обложили здание, его поливали огнем. Из разбитых окон беспорядочно гремели ответные выстрелы. Арестанты, повинуясь зычному окрику, повалились у крыльца ратуши, прижались к брусчатке.

У общежития творился форменный ад. Один из солдат под прикрытием плотной свинцовой завесы подбежал к оконному проему, бросил внутрь гранату-колотушку, сам тут же прижился к фундаменту. Из проема вырвалось пламя, в здании что-то ломалось и падало. За первой гранатой отправилась вторая. Снова сноп пламени, треск потолочных перекрытий. В дыму метался человек, охваченный огнем.

Ответная стрельба прекратилась. Диверсанты по одному подбегали к зданию, кто-то перелезал внутрь.

Но не все еще кончилось. В боковой части пристройки распахнулась дверь, оттуда выскочили два полуодетых офицера. Они возбужденно кричали, хаотично палили из табельных ТТ. Двоим диверсантам, оказавшимся поблизости, не посчастливилось. Одному пуля попала в голову, не спасла даже каска. Второго поразило в живот, он корчился, оглашал пространство жалобными криками.

Офицеров, пытавшихся прорваться, немцы мигом нашпиговали свинцом. Оба покатились по ступеням, разбросали конечности. Гранаты снова летели в окна.

Горело здание в глубине двора. Там находилось караульное помещение. Те, кто не умер на свежем воздухе, погибали от удушья в дыму. Возле входа валялись безжизненные тела. Из ратуши выскакивали возбужденные боем диверсанты, перепрыгивали через заключенных.

– Солдаты, все сюда! Надо уходить! Русские скоро опомнятся, обложат центр городка! Где эти чертовы машины?! Пешком прикажете топтать? – горланил унтер-офицер.

Из гаража одна за другой выехали две советские полуторки.

«Догадливые сволочи! – подумал сотрудник СМЕРШ, вжался в землю и заскрипел зубами. – Какая нелепая накладка! Они словно назло нам все это провернули! Фашистский агент в городке действительно прозябал не в одиночестве. У него имелся сообщник. Он-то и отправил за линию фронта шифрованную радиограмму с точным указанием, где находится арестованный агент. Группа парашютистов свалилась как снег на голову. Вспомнился гул самолета. Ускоренный марш-бросок в центр городка, нападение на штаб с общежитием и караулкой, извлечение нужного человека из подвала. Они прекрасно знают, как уйти обратно, за линию фронта. Собственные потери при этом их не волнуют».

Немцы схватили арестантов за шиворот, погнали к машинам.

Отстрелявшиеся диверсанты возбужденно перекликались:

– Все целы?

– Троих потеряли, господин оберштурмфюрер! Да еще ротенфюрер Лейтнер получил тяжелое ранение в живот, его нужно срочно госпитализировать!

– Раненого не брать! – надрывал глотку молодой подтянутый офицер СС. – Избавьтесь от Лейтнера! Все по машинам! Я с нашими клиентами буду на втором грузовике. Надеюсь, эта ржавая русская техника еще на ходу.

Толпа хлынула к машинам. Заключенных подбадривали тумачами, но они и сами не мешкали, карабкались в грязный кузов.

– Почему их двое? – возмущенно прорычал оберштурмфюрер. – Должен быть один!

– Герр оберштурмфюрер, второй говорит, что он тоже наш!

– Ладно, черт с ними! – заявил офицер. – Тащим с собой обоих. Потом разберемся.

Раненого немцы пристрелили, невзирая на его жалобные просьбы. Все правильно, здесь не лазарет для безнадежно больных. Арестантов швырнули в переднюю часть кузова. Они лежали на полу, прижавшись к кабине, боялись пошевелиться. Надо выдержать, перетерпеть, не мешать специалистам выполнять свою работу.

Сотрудник СМЕРШ боролся с отчаянием, охватившим его. Все пошло не так. Сколько людей погибло. За что? Нет, ему хватало опыта, он побывал не в одной передрыге, умел загонять эмоции внутрь, ставить во главу угла только интересы дела. Идет война, люди гибнут, это прискорбно, но неизбежно.

Бескровно попасть к врагу не удалось, но все равно есть шансы добиться своего. Пусть вне плана, через кровь и неразбериху. В принципе можно и так, главное – результат, а не перемена мест слагаемых.

Проблема состояла в другом. Он собственными глазами видел труп майора Гамарина, начальника дивизионной контрразведки, который лично планировал операцию. Его тело, изувеченное осколками гранаты, лежало у крыльца ратуши. Он выскочил из здания, не разобрался в ситуации. Эх, Василий Григорьевич!..

Погиб и капитан Максименко, который вылетел из общежития и принялся палить из пистолета во все стороны. Его сразили несколько пуль. Капитан был мертв, это ясно и без доктора.

Только эти двое были в курсе предстоящей операции и личности сотрудника контрразведки, засылаемого в подвал. Для остальных он был именно тем, кем представлялся, обычным штабным офицером, занимающим отнюдь не боевую должность. А также предателем, которого арестовали органы СМЕРШ. Об этом знала вся часть, а опровергнуть больше некому! Обстоя-

тельство печальное, но надо работать даже в таких условиях, зная, что по возвращении к своим вряд ли что-то докажешь.

Два грузовика, дребезжа рессорами и болтая бортами, выехали на главную улицу через подворотню. В кузове каждой машины находилось по десятку солдат СС. Им пришлось лечь, чтобы не светиться над бортами.

– Жаль, что самолет не может нас обратно доставить, – пошутил кто-то из них.

Солдаты нервно засмеялись, а оберштурмфюрер тут же прошипел:

– Все заткнулись!

Машины шли на запад в предрассветной хмари. Мелькали силуэты зданий. Испуганные немецкие граждане льнули к окнам, прятались за задернутыми шторами. Подкрепление к разгромленному штабу еще не подошло. Немцы ориентировались в городке так же хорошо, как в собственном доме.

Грузовики свернули на дорогу, примыкающую к центральной улице. Она вгрызалась в малоэтажные кварталы, тянулась на северо-запад. Это был уместный, более чем своевременный маневр. С запада донесся шум. По главной улице, ломая брусчатку, прогремел тяжелый танк ИС. За ним шла полупторка, набитая автоматчиками. Они не заметили свернувшую колонну.

Полупторки петляли по узкой улочке, цеплялись за бордюры, задевали фонарные столбы. Городок был крохотный, минуты через три машины вынеслись в чистое поле, разбавленное перелесками. На северо-запад вела хорошо укатанная грунтовая дорога, ее не разбили мины и снаряды. Диверсанты хватались за борта, поднимали головы.

Спасенные арестанты тоже высовывались из кузова, ловили на себе настороженные взгляды гладко выбритого оберштурмфюрера. Тот помалкивал, хотя и смотрел на них с подозрением. Эти люди не были пленниками. Он знал, что один из них имеет важное значение. Приказ был категоричен: можете погибнуть, но эту личность вы обязаны вытащить! То, что их двое, было странно, но особой проблемы не составляло, во всяком случае пока. Солдаты специального подразделения расслабились, перебрасывались шуточками.

Головная машина проворно бежала по изгибам дороги. Вторая не отставала, шла следом.

– Ты в порядке, Олег Петрович? – спросил Чепурнов, покосился на вынужденного товарища и добавил: – Рожа у тебя жуткая. Тошнит, не иначе.

– Тошнит, Глеб Викторович, – подтвердил Потанин и криво ухмыльнулся. – Я же не летчик-испытатель. У тебя не возникает мысли о том, что нам нужно поговорить?

– Ну ты и даешь, приятель! Поговорить нам точно надо, это ты ой как верно заметил. Но давай не сейчас, лады?

Машину повело на крутом вираже, пассажиры съехали к правому борту, там образовалась куча-мала. Посыпались тревожные выкрики. Из города вырвалась полупторка с автоматчиками, понеслась в погоню. Пулеметчик установил свою бандуру на кабине машины и принялся долбить из нее длинными очередями.

Погоня приближалась, это было видно невооруженным глазом. Эсэсовцы тревожно загалдели, начали хвататься за оружие, передергивать затворы. Над их головами уже свистели пули, причем отнюдь не шальные.

Оберштурмфюрер Бруннер вцепился в борт, стиснул губы, напряженно всматривался в светлое пространство, но не видел ничего подходящего для укрытия и организации обороны. Огромное поле, лишь кое-где прореженное кустарником. На западе возвышалась лесная чаща, но добраться до нее было нереально.

Обязанности немцы распределили заранее, оберштурмфюреру не пришлось лишний раз драть горло. Головная машина остановилась, вторая обошла ее и покатила дальше.

Эсэсовцы слетели с кузова, залегли по обеим сторонам дороги. Позиция у них была невыгодная, ни кочки, ни бугорка. Преследователи и не думали останавливаться. Пулеметчик дол-

бил как заведенный. Били ППШ. Двое диверсантов уткнулись физиономиями в землю. Лопнули задние колеса вставшей полуторки, и ее задняя часть со скрежетом осела. Диверсанты отстреливались, но преимущество в этот час было на стороне красноармейцев.

Пассажиры уходящей машины видели весь этот кошмар, но ничем не могли помочь сослуживцам, которые один за другим гибли под плотным огнем. Полуторка с красноармейцами резко затормозила, встала поперек проезжей части. Автоматчики били с бортов, забрасывали эсэсовцев гранатами. У тех не было ни единого шанса. Полегли все.

Погоня продолжалась, пулеметчик не умолкал. Сейчас, под занавес войны, бойцы Красной армии редко испытывали недостаток боеприпасов. Машина с диверсантами ушла метров на триста, когда пули разнесли задний борт, ранили солдата и превратили шину в кучу лохмотьев. Под жуткую ругань грузовик съехал в кювет, отвалился правый борт. Один из эсэсовцев не удержался, выкатился наружу с жутким воем.

– Всем к машине! – надрывал глотку оберштурмфюрер. – Солдаты, убейте этих зарвавшихся дикарей, захватчиков нашей земли! Занять оборону!

Мысли сотрудника контрразведки метались.

«Да, диверсанты должны быть уничтожены! Но вместе с ними красноармейцы убьют и тебя, и особо опасного фашистского агента. Тогда ты точно не выполнишь задание, поскольку будешь отныне и навеки хладным трупом».

Диверсанты прыгнули с кузова, открыли огонь по петляющей полуторке. Оберштурмфюрер покатился в водоотводную канаву, выкрикивая команды.

Недавние арестанты прыгнули с кузова на обочину, куда-то ползли. Свистели пули, выбивали фонтаны земли. Чернозем скрипел на зубах.

Местность на этом краю поля имела хоть какие-то укрытия, борозды и бугры. Здесь подрастала трава. Уже почти рассвело. Эсэсовцы прятались, где и как могли, вели огонь короткими очередями.

Гранатометчик скрючился за простреленным задним колесом. Он неловко извернулся, наводил на цель фаустпатрон. А она неслась к нему, набирая скорость, гремела и подскакивала. Советский пулеметчик как раз отстрелялся и менял дисковой магазин. Дробно работали ППШ. Охнув, завалился на бок эсэсовец за соседним колесом. Из-под каски хлынула кровь.

Машина была уже близко. Гранатометчик выжидал. Он не был бараном, понимал, что изувечить машину никак нельзя. Иначе они сами останутся без транспорта. Эту полуторку нужно просто остановить.

Наконец этот парень выстрелил. Взрыв прогремел сбоку от левого борта, обвалил край водостока. Осколки ударили в кабину, смяли железо, продырявили борт. Закричали раненые советские автоматчики. Распахнулась изувеченная дверь кабины, на дорогу вывалился мертвый шофер. Машина, потерявшая управление, проехала еще метров двадцать и остановилась.

Обе стороны понесли тяжелые потери. Несколько красноармейцев перемахнули через задний борт, залегли на дороге. Эсэсовцы старались не стрелять по машине. Горстка советских солдат отползала, скатывалась в канаву. Их осталось совсем мало.

Потанин отплеывался, кашлял. Земля забила его глотку. Рядом за бугром ворочался Чепурнов, что-то бурчал себе под нос. Невдалеке от него валялся смертельно раненный эсэсовец, подрагивал, распахнутые глаза затягивала муть. Из ощеренного рта вытекала струйка крови. Рядом лежал автомат.

Чепурнов вдруг приподнялся и рванулся вперед как за порцией бесплатной водки. Видимо, он хотел схватить оружие. Потанин возмущенно ахнул. Какая-то сила вырвала его из борозды. Он навалился на Чепурнова, прижал его к земле и сам чуть не стал покойником. Целый ворох пуль пронесся над его головой, срезал часть волос и опалил загривок!

Это вновь заработал советский пулеметчик. Прицельная очередь, выпущенная эсэсовцем, отбросила его от кабины, заставила замолчать навсегда. Перестрелка продолжалась, но

силы красноармейцев таяли. Диверсанты осмелели, поползли вперед, начали подниматься, перебегать.

Потанин скатился с Чепурнова, схватил его за шиворот, затащил в борозду. Они лежали рядом, тяжело дышали, тупо глядели друг на друга. Выстрелы, гремевшие совсем рядом, не препятствовали их задушевной беседе.

– Ты совсем охренел, Глеб? – прохрипел Потанин. – Пострелять вздумалось? Не навоевался еще?

– Вот черт! – Чепурнов словно очнулся, стал как-то судорожно себя ощупывать. – Это что же получается, друг мой ситный? Ты мне жизнь спас, что ли?

– Да никакой ты мне не друг, – буркнул Потанин. – Не знаю, как так вышло, машинально полез. Но вроде того, спас, да. Самого чуть не прибило. А от твоей башки могла одна мякоть остаться. – Он нервно хихикнул, обнажил сравнительно целые, хотя и основательно прокуренные зубы.

Челюсть Чепурнова перекосилась. Видимо, это означало дружескую улыбку.

– Ладно, спасибо, приятель, сочтемся.

– Очень на это надеюсь, – заявил Потанин.

Эсэсовцев осталось всего пятеро. Они наседали. Obersturmführer уже сидел за капотом полуторки и показывал знаками: двое налево, двое направо. Два красноармейца корчились в неглубокой канаве позади машины, отстреливались последними патронами. Уползти с этого поля они не могли. Эсэсовцы подбирались к ним, посмеивались, палили на каждое шевеление.

Вскрикнул боец, подстреленный в плечо, стал ругаться, крыл матерными словами фашистскую Германию, на что ее последним представителям было глубоко плевать. Диверсанты напиговали красноармейца свинцом, а потом развлекались, стреляя по последнему. Сперва пули пробili его руки, а потом и колено. Он рухнул на корточки, пытался ползти. В итоге офицер вскинул «Парабеллум», повалил его одним выстрелом, сунул пистолет обратно в кобуру и начал нервно ковыряться в портсигаре.

Потанин совершенно обессилел, лежал, откинув голову. Ему приходилось терпеть. Он мог схватить тот самый автомат, к которому недавно рванулся Чепурнов, и даже убить парочку солдат. Другие тут же пристрелили бы его. Он умер бы с чувством невыполненного долга, но с чистым сердцем. Сейчас же в душе офицера контрразведки СМЕРШ царил полная тьма.

– Ну, что, товарищ капитан, ты все еще будешь утверждать, что по недоразумению попал за решетку? – с насмешкой в голосе поинтересовался Чепурнов.

– По чистому недоразумению, – подтвердил Потанин. – Ума не приложу, как эти ищейки меня выследили. Научились работать, твари! Думал, хана, мне уже не выбраться. А тут еще и ты, то ли подсадной, то ли из своих. Кабы не пришли эти ребята с такой помпой, я точно подох бы. Они ведь за тобой, да, Глеб?

– Да уж не за тобой, – с усмешкой проговорил Чепурнов. – Кто бы ты ни был, а своим хозяевам уже не нужен. А я еще пригожусь, устрою себе теплое и безоблачное будущее.

– Надеешься, все можно вернуть?

– Да куда там, не идиот же я. – Нервный тик обозначился под заплывшим глазом фашистского агента. – Одолели нас Советы, недооценили мы их. Ситуацию уже не поправить. Но у нас же хватит мозгов на то, чтобы обеспечить себе теплое и безоблачное будущее. Разве нет? – Чепурнов усмехнулся и осведомился: – Так что за перец ты такой, Олег Петрович? Почему я тебя не знаю?

– Да и хорошо, что не знаешь, – огрызнулся Потанин. – Вовсе ни к чему тебе, Глеб Викторович, знать всех людей полковника Фердинанда фон Шефера.

Чепурнов аж присвистнул.

– Ух, куда ты замахнулся, дружище. Не врешь часом? – Он удивленно уставился на Потанина. – Но ведь полковник Фердинанд фон Шефер... Он разве не мертвый?

Легенда сотрудника СМЕРШ была составлена, конечно, с размахом. Полковник военной разведки Фердинанд фон Шефер не только выжил после памятного мятежа полковника Клауса Штауффенберга сорок четвертого года. Он сохранил и упрочил свои позиции в Абвере, заручился личной поддержкой бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга, курировавшего теперь военную разведку по линии РСХА. Барон фон Гертенберг лично знал Шефера и считал его своим другом. Такой немалой чести мог удостоиться далеко не каждый чин в структуре черного ордена СС.

– Ты прав, дружище. Полковника Шефера больше нет с нами, – сказал Потанин и тяжело вздохнул. – Я лично вместе с командой спасателей пытался вытащить его из здания на Оберштрассе в Рутце, куда попала бомба. Но извлекли мы, увы, лишь бранные останки. А ты каких будешь? – осведомился он и исподлобья уставился на Чепурнова.

– Не стоит тебе об этом знать. – Чепурнов колебался, кусал губы.

На удочку, заброшенную контрразведкой СМЕРШ, могла в обозримой перспективе попасться крупная рыба. Но оставалось много условий, сложностей и преград, практически неодолимых.

Они поднялись, выбрались из канавы и побрели к трофейной машине, сохранившей, благодаря мастерству гранатометчика, свои ходовые качества.

Диверсионная группа и здесь одолела Красную армию. Эти люди знали свое дело. Но победа была пирровой. Уцелели лишь пятеро диверсантов. Они стащили с дороги тела красноармейцев, полезли в кузов.

Молодой оберштурмфюрер Гельмут Бруннер, бледный как привидение, исподлобья смотрел на недавних арестантов. Его мысли очень даже неплохо читались. Мол, что такого необыкновенного в этих грязных русских? Почему я положил ради них почти всю свою группу?

– Шевелись! – заорал он. – В машину! Какого черта копаетесь?

Погони не было. Полевая дорога была чиста. Одинокая машина и трупы вокруг нее. В четырехстах метрах на восток еще две подбитые полуторки и мертвые тела.

Там же, на востоке, из-за горизонта выбиралось солнце. Пройдет еще минута-другая, и оно озарит округу ослепительным блеском.

Дважды повторять оберштурмфюреру не пришлось. Мужчины в советской форме засели к машине под грозным взглядом эсэсовского офицера, перевалились через борт.

Глава 3

Больше их никто не преследовал. Советское командование долго запрягало, разбиралось в ситуации, отправляло людей и технику не в те концы. Враг этим пользовался. Полупортка неслась по проселочной дороге, мимо оврагов, перелесков, заброшенных деревушек. Приблизился дальний лес.

Диверсанты умели управлять не только немецкой техникой. Водитель уверенно вертел баранку. Бруннер находился в кабине.

Арестантов хмуро разглядывали трое грязных пропотевших громил. У них явно чесались не только кулаки, но и пятки. Общаться по душам в таких условиях не было никакой возможности.

Потанин вцепился в борт, вертел головой. Бои в этой местности еще не шли, природа была нетронутой. С юга доносилась канонада.

Внезапно справа в овраге прогремел взрыв. Водитель машинально дернул баранку, и полупортка чуть не съехала в кювет. Пассажиры в кузове повалились на его дно. Раздался противный, тянущий за нервы звук падающей мины, и снова грохнул взрыв, теперь уже ближе. Грузовик окатило землей. Стреляли явно не с востока.

Распахнулась дверь кабины. Бруннер стоял на подножке и яростно жестикулировал правой рукой. Обстрел прекратился, но он продолжал семафорить, рискуя оказаться под колесами.

Ландшафт усложнился, местность шла волнами. Дорога теперь тянулась между земляными валами.

На проезжую часть выскочили немецкие автоматчики, тоже стали махать руками. Водитель врезал по тормозам. Солдаты вермахта выглядели, мягко говоря, не очень. На этой неделе они не брились и не стирались, а вот шнапса, судя по опухшим лицам, им хватало.

Бруннер спрыгнул с подножки, вступил в недолгую полемику с ними. Военнослужащие отдали ему честь и убрались обратно в свой овраг.

Путешествие продолжалось.

Вскоре последовала еще одна проверка, на этот раз весьма въедливая. Бруннер шелестел бумагами, хрипло каркал. Солдаты вермахта осматривали кузов, стараясь не встречаться глазами со злыми эсэсовцами. Присутствие в машине людей в советской форме пока не вызывало вопросов.

«Скоро здесь все будут ходить в ней», – подумал Потанин.

Бетонные надолбы, колючая проволока, долговременные огневые точки через равные промежутки, минные поля на простреливаемых местах. Этот участок своей земли немцы собирались оборонять до последнего. Траншеи, пулеметные гнезда, усталые лица с равнодушными глазами.

На опушке леса в землю зарылась батарея полевых орудий. Из леса высовывались стволы самоходных установок «Фердинанд». Там же стояла и парочка «Тигров». Танкисты в черной униформе сидели на броне, что-то ели, курили. Отделение солдат в полном облачении волокло к опушке снарядные ящики и одноразовые гранатометы, связанные в пучки. Они отошли на обочину, пропустили грузовик. Тот факт, что машина советская, их нисколько не удивил.

«Интересно, эти солдаты знают, что сейчас реально происходит в Берлине и других частях Германии? – размышлял Потанин. – Или же им врут, как и всегда? Дескать, все под контролем, войска союзников застряли на Эльбе, большевистские орды остановлены под Берлином и успешно добиваются танковыми армадами. Вот-вот нанесет сокрушительный удар то самое вундерваффе, чудо-оружие, о котором так долго и надрывно вещал Гитлер. А если бы узнали всю правду, то остались бы тут, защищали бы свои аморальные ценности?»

Этот лес был напичкан людьми и военной техникой. Потанин было подумал, что в принципе хватило бы пары тяжелых бомбардировщиков, чтобы сравнять его с землей, но сразу же понял, что не все тут так просто. Он несколько раз замечал среди деревьев земляные отвалы, как на карьерах. Там находились бункеры-бомбоубежища. В небо смотрели стволы зениток.

Вскоре дорога расширилась. КПП со шлагбаумом, очередная дотошная проверка. На сей раз ее проводили тоже солдаты СС, отборная публика, которой нечего терять, поскольку в плен таких не берут. Лица землистые, движения машинальные, тяжелые взгляды, которые непросто выдержать нормальному человеку.

Снова лесная опушка, поля, перелески, в низине крыши небольшого городка, ратуша со шпилем. Вереница складских строений в стороне от дороги. Рычали шеститонные «Мерседесы», нагруженные с верхом. Водитель полуторки съехал на обочину, пропуская колонну самоходных установок «Ягдпантера». Ее замыкал грузовик, в кузове которого плечом к плечу сидели вооруженные люди. Но не солдаты, одеты по гражданской, очень молодые либо, наоборот, явно перешагнувшие за порог призывного возраста. Это был так называемый фольксштурм, гражданское ополчение, набираемое в добровольно-принудительном порядке. У этих людей тоже не было энтузиазма в глазах, зато хватало тоски, даже обреченности.

За складами приютились несколько «Пантер». Люди в черных комбинезонах кантовали тяжелые бочки с горючим. Нефтеносные районы Румынии были захвачены советскими войсками еще в конце прошлого лета, и немецкая техника теперь работала на синтетике. Это топиливо было ужасное, потреблялось его много, оно выводило из строя узлы и целые агрегаты.

По дороге снова прошла колонна танков и самоходок. За ней проехал командирский «хорх» с зачехленным верхом.

– Эти люди будут стоять до последнего, – процедил Чепурнов, провожая глазами колонну. – Как русские держались в сорок первом, так и они будут драться сейчас, в сорок пятом.

У майора контрразведки Потанина – фамилию он сохранил свою, дабы не плодить сущности сверх необходимости, прибыл на север Германии из далекого венгерского Мишкольца – имелось особое мнение на этот счет, но он отделался скупым кивком.

Люди в машине расслабились. Эсэсовцы уже не смотрели с ненавистью на людей в советской форме.

Машина шла на запад через леса и поля, мимо мелких населенных пунктов. Количество встречной техники значительно уменьшилось. Боевые резервы Германии были не бесконечны. Иногда встречались небольшие колонны военнослужащих. Рота вермахта встала на привал вдоль обочины. Солдаты уже позавтракали, лежали на траве, смотрели в небо, обнимая карабины и пулеметы МГ-42, прозванные в советских кругах «косторезами».

Природа менялась, зеленели поля, голубели живописные озера. Равнины переходили в плавные возвышенности. Нарядно смотрелись небольшие дубравы и буковые рощицы. Бензина пока хватало. Войны здесь не было. Это был какой-то нереальный по красоте уголок европейской природы.

На севере показались скалы. Самую мощную из них венчал старинный замок с остроколенным шпилем на главной башне. Он был помпезный и мрачный, таял в дымке вместе со скалами. Рыцари тевтонского ордена? Но фашисты их не жаловали. В годы правления нацистов орден фактически попал под запрет.

«Где мы, интересно? – подумал Потанин. – Это все еще Передняя Померания или уже Мекленбург? Явление, как ни крути, любопытное. Вся Европа под колпаком. На востоке громада Красной армии, на западе союзники тоже не сидят без дела. Берлин вот-вот падет. Территория, контролируемая немцами, неуклонно сжимается. Остаются лишь отдельные уголки. Здесь, похоже, один из них. – Он недоуменно вертел головой. – Вот где заповедники-то надо устраивать!»

В мозгу офицера контрразведки СМЕРШ работал не только хронометр, но и измеритель пройденного расстояния. Скорость машины – километров пятьдесят. Умножаем ее на время, то есть полтора-два часа. Расстояние от линии фронта продолжало расти.

Примерно в десять часов утра советская полуторка, над бортами которой мерно покачивались немецкие каски, въехала в небольшой городок. Здесь все было чисто, аккуратно, зеленели газоны. Опрятные двухэтажные домики жались друг к другу. Однако улицы казались вымершими. Возможно, люди удалились в окрестные леса. Или же они под влиянием лживой нацистской пропаганды бросили свои дома и имущество и подались на запад.

На площади, расположенной в центре городка, стояли полтора десятка мотоциклов с колясками, оснащенными пулеметами. Их экипажи сгрудились у какого-то кукольного здания и, видимо, ждали указаний.

Ветра совсем не было. С навеса над крыльцом уныло свисал нацистский флаг – красное полотнище с черным крестом в белом круге. На афишной тумбе красовались обрывки каких-то воззваний.

Полуторка остановилась на другом конце площади. Хлопнули двери кабины, из нее выбрались утомленный водитель и оберштурмфюрер Бруннер.

– К машине! – скомандовал офицер.

Солдаты попрыгали из кузова, начали доставать из карманов сигареты.

На брусчатку спрыгнули и люди в советской форме. Чепурнов подошел к Бруннеру, они стали приглушенно общаться, потом дружно уставились на Потанина, который мялся у кузова бедным родственником.

Появление людей в советской форме не осталось незамеченным. Заволновались мотоциклисты на другом конце площади. Они недоуменно переговаривались, делали злобные лица. Двое рискнули приблизиться. Они шли вразвалку, разминали кулаки.

«Сейчас они морды нам, большевикам, будут бить», – подумал Потанин.

Один из этих солдат что-то сказал Бруннеру.

Тот мигом побагровел и заявил:

– Отставить! Это наши люди! Не важно, в какой они форме. Вы что себе позволяете?

Солдаты поколебались, потом один из них сплюнул, другой одарил Чепурнова и Потанина колючим взглядом. Оба неохотно побрели обратно.

Бруннер подошел к Потанину.

– Вы кто такой? – спросил он, выпячивая нижнюю губу. – Понимаете по-немецки? Что вы делали в русской тюрьме?

– Да, герр оберштурмфюрер, я понимаю по-немецки, и в моих жилах течет доля немецкой крови, – проговорил сотрудник контрразведки СМЕРШ, щелкнул каблуками, расправил плечи. – Меня зовут Алекс Мазовецкий, я пять лет служу в Абвере, выполняю задания немецкого командования. В сороковом году я с отличием окончил разведывательную школу, расположенную в городе Славица, Западная Галиция. Непосредственный руководитель и куратор – полковник Фердинанд фон Шефер. После его трагической гибели я выполняю задания майора Отто Штрауба из восьмого отдела РСХА. Именно его инструкциям я следовал в Восточной Померании, перед тем как был схвачен ищейками СМЕРШ. Я очень благодарен, оберштурмфюрер, вам и вашим людям за то, что вы вытащили меня. Мне обязательно нужно встретиться с майором Отто Штраубом.

– Да неужели? – пробормотал Бруннер.

Сотрудник СМЕРШ ходил по самому краю и прекрасно это знал. Выпускник разведывательной школы Алекс Мазовецкий жил и здравствовал еще не так давно. Он пользовался полным доверием фон Шефера, который действительно погиб на Оберштрассе в городке Рутце. Мазовецкий перешел под начало прожженного лиса Отто Штрауба, но тот недолго насла-

ждался работой с опытным агентом. Мазовецкий был убит при задержании рядом со штабом Девятнадцатой армии.

Отто Штрауб об этом мог и не знать. Не до того ему было. Он пропал четыре дня назад в пригороде осажденного Берлина. Сослуживцы считали его погибшим. Но на самом деле майора без шума прибрала советская контрразведка и буквально за сутки очень даже неплохо разговорила, узнала даже то, на что никак не рассчитывала.

Бруннер поколебался, но все-таки вытащил из кармана пачку, предусмотрительно выбил из нее сигарету и осведомился:

– Закурите?

– Охотно, господин офицер, благодарю вас. – Потанин взял сигарету, прикурил от огонька зажигалки, протянутой ему. – Весьма признателен, герр оберштурмфюрер.

– Мы не возражаем, если вы воссоединитесь, так сказать, со своим куратором Штраубом, господин Мазовецкий, – с важностью проговорил Бруннер. – При условии, что вы действительно тот, за кого себя выдаете. Дело за малым – выяснить, где находится в данное время упомянутый майор.

– Последние инструкции я получал из Берлина, из здания, расположенного на Принц-Альбрехтштрассе, – проговорил Потанин и намеренно сделал так, чтобы голос чуть дрогнул.

В упомянутом здании до штурма города трудились более трех тысяч сотрудников. Сомнительно, чтобы какой-то Бруннер знал всех поименно.

– Вы это серьезно? – осведомился тот и скептически хмыкнул. – Полагаю, вы, господин Мазовецкий, знаете, что сейчас происходит в Берлине.

– Да, я понимаю, герр оберштурмфюрер, что положение там не очень обнадеживающее. – Потанин сделал скорбную мину. – Я в курсе событий, по крайней мере знаком с информационными сводками, распространяемыми советскими агентствами. Они могут приукрашивать, но факт остается фактом, и от него никуда не деться. Ситуация в Берлине очень серьезная. Я знаю, что вероятность увидеться с майором Штраубом крайне мала, но... – Он замолчал, покраснел и продолжил: – Не поймите меня неправильно, господин офицер, я не собираюсь проникнуть в Берлин, чтобы сдать советским властям. Я мог бы просто остаться в камере, а не бежать с господином Чепурновым. Это, согласитесь, глупо. Майор Штрауб – мой непосредственный начальник, я обязан выполнять его приказы, до последнего буду надеяться на то, что он жив и борется за рейх... – Он хотел еще что-то добавить, но не нашел подходящих слов.

– Да, господин Мазовецкий, я вам сочувствую, – сказал Бруннер, внимательно обследовав его честное лицо. – Знаете, кого вы мне напоминаете? В Японии было такое понятие «ронин». Это воин-самурай, оставшийся по ряду причин без своего сюзерена. Или, того хуже, тот погиб именно по его вине. Впрочем, это, конечно же, не ваш случай. Ронин мучается, не может найти себе пристанища, отказывается служить другим.

– Я служу рейху, герр оберштурмфюрер, – заявил Потанин и приосанился.

– Да, разумеется, – совершенно серьезно сказал Бруннер. – Мы все до последнего вздоха служим рейху, какие бы опасности над ним ни витали. Но вынужден вас огорчить. Вы не попадете в Берлин и вряд ли свяжетесь со своим руководством. Майор Штрауб вас, понятное дело, не ждет. Давайте называть вещи своими именами. В лучшем случае он уже погиб. В худшем – бежал к англо-американцам, и ему уже не до вас. Это крах, господин Мазовецкий. Давайте будем честны перед собой. Великая Германия возродится, но, увы, не в ближайшие месяцы.

– Но я не намерен сдаваться, – пробормотал Потанин.

– Вам никто этого и не предлагает, – сказал Бруннер, сухо улыбнулся и осведомился: – Какого рода сведения вы добыли для майора Штрауба? Надеюсь, это не список германских должностных лиц, продавшихся Западу или СССР? Такие персоны сейчас никого не волнуют.

– Нет, господин офицер, совсем наоборот. – Потанин замолчал, сделал вид, что колеблется, но все-таки продолжил: – Это список офицеров Красной армии в звании не ниже май-

ора, которые согласны сотрудничать с представителями английской и американской разведок. Как правило, это люди, от которых что-то зависит. Они владеют государственными секретами. Информация получена от агента, приближенного к штабу Второго Белорусского фронта, и сомневаться в ее достоверности не приходится. Контакты с союзниками там случаются постоянно.

– Вы меня удивили, господин Мазовецкий, – сказал Бруннер и озадаченно почесал переносицу. – Зачем эти сведения Отто Штраубу?

– Не знаю, господин офицер, могу лишь догадываться.

– Интуиция мне подсказывает, что эти догадки будут верными. – Бруннер язвительно усмехнулся. – Полагаю, ваш хозяин собирался бежать на Запад, да не с пустыми руками. И где этот список?

– Здесь. – Потанин постучал себя по голове.

Этот ход был безошибочен. Если Бруннер работал на Гертенберга, то не мог не знать, что для того данные сведения тоже интересны. Именно то, что доктор прописал.

– Резюмируем, господин Мазовецкий, – сказал Бруннер. – Берлина вам не видать, извините, как своих ушей. Ваш сюзерен скорее всего уже далеко. Если не погиб в берлинской мясорубке. Но у вас есть уникальная возможность продолжить служить рейху.

– Это какая же? – осведомился Потанин.

– Вы поедете с нами, – заявил офицер. – Прошу учесть, что это не просьба и не предложение. Вы поедете с нами, – повторил он. – Мне очень жаль, но у вас нет выбора.

– Долго ехать-то? – буркнул Потанин с расстроенным видом.

– О, нисколько, – живо отозвался Бруннер. – За час доберемся.

Потанин нервно курил, обжигая пальцы, смотрел, как Бруннер беседует с Чепурновым.

Тот сделал удивленное лицо, покосился на Потанина, подошел к нему, как-то вкрадчиво ступая, достал из пачки сигарету и спросил:

– Курить будешь, Олежек? Или как тебя теперь прикажешь называть?

– Как хочешь, так и называй, – проворчал Потанин. – Можешь Алексом, по крайней мере не ошибешься. А курить не хочу, хватит уже.

– Как угодно. – Чепурнов пожал плечами, высек пламя из зажигалки, затянулся, сморщился.

– Ты уже своим куревом разжился, да? – спросил Потанин.

– Так я же свой, – ответил Чепурнов.

– А я чужой, стало быть.

– Не обижайся, дружище. – Чепурнов панибратски похлопал Потанина по плечу. – Ты, может, и свой, но пока не проверенный. А какую шарманку крутил! Мол, я порядочный советский человек, меня взяли по ошибке. Ладно, без обид. Ты все правильно делал. Вижу, что свой, меня не проведешь. – Чепурнов мазнул собеседника каким-то липким взглядом. – У меня чутье на всех этих сволочей из органов такое же стойкое, как у поисковой собаки. Ты не такой. Мутный, конечно, себе на уме, но кто из нас не таков? Вижу, как ты ненавидишь Советы. Бруннер сейчас рассказал про тебя. Ладно, с нами поедешь, познакомлю с шефом. Посмотрим, на что сгодишься. Будем считать, что я тебе протекцию оказываю. Ты ведь мне жизнь спас.

– Куда мы поедем, Глеб? Кто твой хозяин? Почему стоим, киснем в этом вшивом городке?

– Слишком много вопросов, приятель. – Чепурнов снова похлопал собеседника по плечу. – Стоим, потому что нестыковка, транспорта ждем из замка. Скоро придет. Какая же гадость! – Он поморщился, сглотнул слюну и растоптал окурки. – Редкая дрянь эти немецкие сигареты. В СССР табачок куда лучше, ароматный такой, забористый, с душой его делают, из правильного сырья. Даже махра дешевая, и та хороша. А с немецкого курева только рыгать хочется. Дерьмо неимоверное. Ты только не говори никому, что я такое сказал. А то обидятся

немцы, шлепнут еще. – Он замолчал, повернулся и побрел к Бруннеру, волоча подошвы по брусчатке.

Потанин глубоко вздохнул. Лишь бы никто не заметил его крайнее возбуждение. Кажется, что-то получается.

Ждать пришлось недолго. Вскоре с западной стороны донесся шум, из-за угла показался удлиненный «хорх», переоборудованный в подобие автобуса, и встал посреди площади. За ним подъехала восьмиколесная бронемашина «Пума», остановилась рядом. Из «хорха» выбрался невысокий худощавый офицер с заостренным бледным лицом, зашагал к людям, поджидающим его.

– Хайль Гитлер, герр штурмфюрер! – Бруннер выкинул вперед ладонь.

Офицер раздраженно поморщился – ну да, действительно, где этот ваш Гитлер? – и поздоровался с ним за руку.

Потанин шагнул к ним, сделал приветливое, в меру подобострастное лицо.

Здороваться за руку с Чепурновым этот офицер не стал. Они лишь обменялись кивками. Бруннер что-то негромко ему сказал. Штурмфюрер СС нахмурился, с досадой обозрел людей, оставшихся в живых после проведения спасательной операции, и с нескрываемой неприязнью уставился на Потанина. Тот подобрался, на всякий случай опустил руки по швам. Бруннер продолжал говорить. Штурмфюрер был явно недоволен.

«В этом месте у них перевалочный пункт, – догадался Потанин. – То самое место, где они меняют лошадей. Машина определенно прибыла за Чепурновым. На другого пассажира, то есть меня, немцы явно не рассчитывали».

– Познакомьтесь, господин Мазовецкий, – сказал Бруннер. – Штурмфюрер Зигмунд Шиллер. Он будет сопровождать нас до места.

Шиллер сухо кивнул. Светловолосый мужчина в форме капитана Красной армии явно насторожил его. Возможно, этот парень обладал интуицией. Потанин тоже был не в восторге. От офицера черного ордена исходила неприятная аура. Колючие глаза, тонкие циничные губы, какая-то ярость, kloкочущая в груди, пока еще запертая, томящаяся.

«Он явно не поэт, не философ и не драматург», – уныло подумал Потанин.

«Хорх», похожий на тянитолкаю, придуманного Корнеем Чуковским, вместил всех, включая и четверых солдат СС.

«Видимо, личная стража барона фон Гертенберга», – размышлял Потанин, забираясь в машину, оборудованную продольными лавками.

Шиллер расположился рядом с водителем. Иногда он бросал неприязненный взгляд в зеркало заднего вида, хмурился. Его что-то сильно беспокоило.

– Ты погрустнел, приятель, – пробурчал Чепурнов, мостясь рядом с Потаниным. – Не переживай, найдем тебе нового хозяина, без работы не останешься. Если все нормально, конечно, пройдет.

Городок вскоре остался за спиной. Машина резво бежала по холмистой равнине. Снова дубравы, поля, неестественно зеленая, словно выкрашенная, трава, маленькие вымершие деревушки. Здесь не было войск, узлов связи, скоплений боевой техники. Вообще ничего. Лишь застывшая необитаемая природа.

Ходики в голове отсчитывали минуты, стучали по черепушке. «Пума», оснащенная пушкой, нетерпеливо наступала на пятки. Люди молчали, отворачивались к окнам, чтобы не видеть друг друга. Росло напряжение, становилось совсем неудобно. Знакомое состояние, когда направляешься к зверю в пасть.

Потанин украдкой поглядывал на попутчиков. Солдаты дремали, они заслужили отдых. Бруннер сидел неподвижно, думал о своем, не замечал, что презрительно оттопыривает нижнюю губу. Чепурнова от монотонной езды клонило в сон, он заразительно зевал, тер глаза.

От этой публики Олега уже тошнило, но он держался, прикладывал усилия, чтобы истинные мысли не вылезли на лицо.

«Да, с Чепурновым мы не ошиблись, – размышлял майор контрразведки СМЕРШ. – Этот субъект очень важен для барона фон Гертенберга. Не просто же так тот отправил за своим агентом целый взвод матерых диверсантов. Это мог сделать только барон, больше никому. Последняя шишка в этом клочке разрушенной Германии. Он действовал в обход немецкого командования. Оно ему теперь и даром не нужно. Еще день-два, и каждый будет за себя, начнется полный хаос. С Чепурновым надо дружить, ни в коем случае не демонстрировать неприязнь, а потом, когда наступит время, непременно ликвидировать, как опасного вражеского агента. Мы едем на северо-запад, значит, приближаемся к морю. Где оно? Замок Левенштайн располагается километрах в шестидесяти от Балтийского моря, побережье которого уже занимает Красная армия».

Небольшая колонна свернула с основной дороги на проселочную, проехала зеленеющий лес, стала взбираться на покатый холм. В отдалении на опушке паслись коровы. Хоть кто-то живой. В безоблачном небе металась стрижи.

Потанина начинало мутить от этой идиллии. Какая-то она неправильная, фальшивая.

Машины перевалили вершину возвышенности, покатали вниз. На западе простиралась зеленая равнина, разбавленная голубыми озерами и скоплениями скал. «Край тысячи озер». Кажется, так называли до войны Переднюю Померанию и Мекленбург.

Контрразведчик смотрел во все глаза, старался запомнить то, что видел. Справа под холмом приютилась маленькая деревушка. Однообразные черепичные крыши, те же кукольные домики, не тронутые войной. Западная околица упиралась в озеро овальной формы. Берега его обросли камышом, плотной стеной кустарника.

За деревней край аэродромного поля, несколько построек. Не с этого ли аэродрома стартовал десант с приказом вызвать Чепурнова? Отчаянные люди, им точно нечего терять.

Ну а потом взгляд Потанина уперся в замок Левенштайн, серую каменную громаду, идеально вписанную в антураж. Сооружение смотрелось величаво, помпезно. Оно предстало в изометрии, сверху, и пока машина ехала с холма, в запасе у майора контрразведки было несколько секунд, чтобы составить необходимые представления. Замок представлял треугольник с вытянутой к северу острой вершиной.

Еще одна нелепая мысль мелькнула в голове Потанина:

«Не на мистический ли остров Туле смотрит эта вершина? Легендарный, окутанный мифами, то ли существующий, то ли нет. Кто только его не искал, и какие только географические координаты не указывались. К черту мистику!»

Замок окружала невысокая каменная стена. Кое-где она отступала от строений, в других местах являлась их неразрывной частью. Южная сторона Левенштайна была самой высокой и, безусловно, фасадной. В ней имелся арочный проем, ведущий во внутренний двор, пока невидимый. В древности там располагались главные замковые ворота. Восточная и западная части были ниже. Двухэтажные махины лепились друг к другу. На окнах прямоугольные ставни, вереницы аркатур – декоративных ложных арок.

Северная часть замка выглядела какой-то недостроенной. Там виднелись строительные леса, лебедки, горы камня. Часть стены была разобрана, но сейчас работы не велись. Иначе впечатление другой планеты стало бы подавляющим.

К западной стороне замка примыкали скалы, обросшие пучками зелени. Они возвышались террасами, потом сглаживались. Строения венчали причудливые крыши с люкарнами – оконными проемами в скалах. Встроенные остроконечные башенки, причудливые, хотя и порядком осыпавшиеся карнизы, вертикальные пилястры. С гребней стен свисала жухлая трава. Две центральные башни по краям южной стены напоминали шахматные ладьи. Они

немного диссонировали с прочими строениями. Готическая громада выглядела мрачно. Она вела свою историю из глубины веков, когда в здешних землях хозяйничали тевтонские рыцари.

Дорога спустилась с холма, замок растворился за деревьями, на виду остались только верхушки башен. У обочины стоял бронетранспортер, рядом с ним держались солдаты в форме СС. Водитель притормозил у шлагбаума, солдат всмотрелся в лицо пассажира, сидевшего рядом с ним, махнул рукой напарнику. Мол, открывай!

Машины двинулись дальше, и сердце Потанина противно сжалось. Нечто подобное он уже видел в СССР, в Польше, в Венгрии. Дощатые заборы с витками колючей проволоки, караульные вышки, бараки в ряд. По соседству с замком у барона имелся даже собственный концлагерь! Он был небольшой, без всяких крематориев и газовых камер, но самый настоящий. Фашисты привозили сюда самых крепких людей, способных работать на строительстве, выжимали из них все соки, уничтожали, доставляли новых.

Сейчас концлагерь пустовал. Вышки были пусты, часть забора обвалилась, провода и колючая проволока перепутались. Зияли голые окна бараков. Потанин не решился задать вопрос Чепурнову, а тот смотрел на все это равнодушно, продолжал зевать.

Дорога петляла по разреженной дубраве. Военные грузовики отдыхали на стоянке, солдаты в касках таскали какие-то ящики. Снова понижение, затем прямая дорога на холм.

Серая стена возникла неожиданно. Каменная кладка была грубой, местами из нее вываливались неотесанные булыжники. В древности тут был ров, теперь все сравнялось. Дорога упиралась в черный арочный проем, вырезанный в трехэтажном здании. Стало темно.

Поста на воротах не было. Впрочем, никуда он не делся, находился чуть дальше. Проезд во внутренний двор перегораживали решетчатые ворота. Рядом за мешками с песком пряталась караульная будка. Военнослужащих вермахта не было, только эсэсовцы, какие-то роботы с равнодушными лицами. Формализм у них процветал. Штурмшарфюрер прекрасно знал, кто прибыл, тем не менее въедливо проверил документы водителя, заглянул в салон.

Потанин обратил внимание на вооружение этих эсэсовцев. У них были не карабины, не автоматы МП-40, а совершенно новые винтовки «штурмгевер», удлиненные, с деревянным прикладом, оснащенные коробчатыми магазинами. По своим характеристикам они обгоняли все предыдущие достижения германских оружейников. Совершенно новая конструкция, иной принцип ведения огня. Прицельная дальность до 800 метров! Имелось гнездо для крепежа гранатомета. Конструкторы разработали даже специальную насадку для стрельбы из укрытия. Она надевалась на дульную часть и меняла траекторию полета пули. Серийное производство штурмовой винтовки началось только осенью сорок четвертого года, их было выпущено немного, и вооружались этим чудо-оружием только элитные части. К концу войны это уже не имело значения. Но появившись такое оружие в сорок первом, обладай им каждый немецкий солдат, и Советскому Союзу пришлось бы сильно попотеть, чтобы победить.

Внутренний двор был помпезный, мрачноватый, но все же красивый. Дорожки из гравия обтекали каменный фонтан, вели к западной части замка, где выделялся портал, архитектурно оформленный вход. Каменные вазоны, не имеющие никакой утилитарной ценности, обрамляли крыльцо с карнизом, на котором гнездились страшноватые горгульи. В восточной части двора росли декоративные кустарники, красовались клумбы.

Свободного пространства тоже хватало. Его занимали грузовик и несколько мотоциклов. Возвышались штабеля ящиков, прикрытые брезентом на случай дождя. Сновали люди в форме и в штатском.

Олег невольно насторожился. Все это весьма смахивало на подготовку к эвакуации. Обитатели этого закрытого мира знали о наличии другого, параллельного, который приближался и со дня на день мог с грохотом обрушиться на них.

Чепурнов покровительственно похлопал Потанина по плечу, когда они вышли из автобуса. Дескать, не пропадем, дружище.

Количество людей с оружием тут явно зашкаливало. Плечистый эсэсовец постоянно находился рядом с Олегом, следил за каждым его движением, и хорошо еще, что автомат в лицо не совал! Рычали поджарые доберманы, которых солдаты держали на поводках.

Среди них дико смотрелся какой-то пожилой мужчина со снулой рыбьей физиономией. Он был одет в штатское, носил нелепые ботинки и короткие брюки, едва прикрывающие лодыжки.

А вот Бруннер и его выжившее войско сразу куда-то подевались.

Потанин снова ловил на себе неприязненные взгляды Шиллера и невольно раздражался.

С крыльца спустился полноватый мужчина в армейской форме с погонами майора, перекинулся парой слов с Шиллером, удовлетворенно кивнул, поздоровался за руку с Чепурновым. Похоже, они неплохо знали друг друга. На лице майора явно читалось облегчение. Обитатели замка заждались хороших новостей.

Снова последовал обмен фразами, в ходе которого Чепурнов кивнул на Потанина.

Майор поколебался, подошел к нему прыгающей походкой и сказал:

– Мое почтение, господин Мазовецкий. Я правильно назвал вашу фамилию? – Чрезмерным высокомерием этот тип не страдал, но глаза у него были неглупые, и добродушие в них не читалось.

– Хайль Гитлер, герр майор! – Олег вытянулся по швам, быстро пожал руку, протянутую ему. – Да, все правильно, меня зовут Алекс Мазовецкий.

– Я Клаус Нитке, помощник барона, – проговорил майор, которого явно покорило фашистское приветствие, звучавшее теперь как откровенное издевательство. – Сейчас вы пройдете в помещение, где сможете отдохнуть, а потом с вами будет проведена беседа. Вы не возражаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.